люция последнего десятилетия приводит к определенному «переформатированию» самой концепции конкурентоспособности страны. «Твердая» (дороги, порты и т.п.) инфраструктура постепенно отодвигается в политических акцентах развитых стран на задний план. А на первые роли выходят инфраструктура «мягкая» (генерирование, хранение, дистрибуция и передача знаний и информации), а также инфраструктура социальная или сервисная (образование, здравоохранение и окружающая среда), направленная на развитие основного фактора конкурентного успеха страны – человеческого. В процессе модернизации экономики страны на фоне возрастающей глобальной конкуренции важно не только сохранить имеющиеся конкурентные преимущества, но и сделать все возможное для перехода к конкурентным преимуществам более высокого порядка на основе инвестиций, перехода к «новой экономике», основанной на инновационных технологиях и «экономике знаний».

Таким образом, чтобы выдерживать конкуренцию в условиях наращивания мировыми лидерами усилий по повышению своей конкурентоспособности, России также необходима государственная конкурентная стратегия, направленная на достижение стратегической конкурентоспособности, создание необходимых условий для реализации национальных интересов в условиях жесткой глобальной конкурентной среды. Конкурентная стратегия, как неотъемлемая часть государственной стратегии, позволит эффективно использовать имеющиеся у государства конкурентные преимущества и конкурентные ресурсы.

Литература

1. *Абрамов В.Л.* Управление конкурентоспособностью экономических систем. М. – Пермь, 2004. С.175.
2. URL: www.weforum.org
3. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 г. № 1662-р.
4. State of the Union: American Competitiveness Initiative. The White House, President Georg W. Bush, For Immediate Release, Office of the Press Secretary, 31.01.2006.
5. *Кочетков Г.Б.* Конкурентоспособность США // США и Канада. 2007. № 10. С.19.

Владислав ТАРАСЕНКО

Социокультурные аспекты реализации кластерной политики

Исследование и развитие территориальных кластеров – актуальное направление научных и прикладных исследований территорий.

Представления кластерной теории существенно меняют наполнение принятых форм государственного регулирования экономики. Встраиваясь в содержание управленческого мышления, эти представления проецируются в нормативно-правовую плоскость управления.

В частности, концепцию кластеров в основе своей управленческой работы используют правительства Ярославской области [1] и Татарстана [2]. Правительство Саратовской области решило выявить [3], а Тверской области – организовать [4] кластеры на вверенных им территориях.

Исходя из анализа прессы и официальных документов, можно утверждать, что если раньше кластеры рассматривались в качестве формы социально-экономической кооперации и инструмента государственной политики, то теперь они становятся и ее *объектом*, а количество кластеров начинает выступать показателем эффективности для чиновников.

Есть опасение, что планирование количества кластеров без определения будущих задач и в отрыве от реальных предпосылок для их возникновения выдает фрагментарно сохранившийся «валовый», формальный подход, при котором *число* таких объектов планирования доминирует над пониманием социокультурной специфики кластерного подхода с точки зрения развития территорий.

Проанализируем с этой точки зрения Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации [5], которые разработаны в рамках реализации Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года Министерством экономического развития России.

В первой части этого документа кластеры объявлены *условием* интенсификации механизмов частно-государственного партнерства (ЧГП).

В Китае, Саудовской Аравии, Казахстане кластерная политика также строится с изначально сильным государственным присутствием и влиянием (эксперты Европейской кластерной обсерватории называют ее «слишком конструктивной»), однако даже в этих странах они не считаются *способом* вовлечения государства в непосредственную экономическую деятельность совмес-

Владислав ТАРАСЕНКО – кандидат философских наук, доцент РАНХиГС при Президенте РФ

тно с коммерческими организациями.

Пункт 3.1. рекомендаций предусматривает «формирование специализированной организации развития кластера, обеспечивающей координацию деятельности его участников, которая может создаваться в различных организационно-правовых формах. Предполагается, что функции указанной организации могут быть возложены как на вновь создаваемые, так и уже существующие организации» [5].

Исходя из этого можно сделать вывод о том, что документом нормируется единственная из возможных моделей – асимметричный кластер, т. е. такой, в котором одна организация берет на себя функции лидера в становлении всего конгломерата компаний.

Иные модели – симметричные, основанные на равном партнерстве без выраженного лидерства, или «органические», на базе исторически крепких социальных связей [6, с. 27; 7] – разработчиками рекомендаций не рассматриваются.

Инициатором развития кластера в этой модели управления чаще всего выступает крупный бизнес, поддерживаемый государством. Развиваемая Минэкономразвития РФ модель инициирует скорее не развитие кластеров, а *развитие ТПК* – территориально-промышленных комплексов, известных еще в советское время.

На взгляд автора, искусственное создание преференций без таких естественных географических отличий не наращивает социальный капитал кластера, на котором и основана его конкурентоспособность, а придает ему характер временного «пузыря».

Необходимы механизмы экспликации, предъявления и распространения наиболее успешных деловых культур, их адаптации к локальным условиям, а не только увеличение экономических выгод со стороны государства без перспективы появления таких выгод от самой кластерной кооперации.

Поэтому существующая система управления обладает высокими рисками *превращения кластерной инициативы в очередной тип отношений ренты* – получения необоснованных преференций от государства.

«Установление эффективного информационного взаимодействия между участниками кластера» (п. 3.1.3 рекомендаций), очевидно, не сводится к технологическим, программным средствам и созданию информационных баз. Однако формирование профессиональной доверительной среды, используемых площадок для обмена знаниями, коммуникативных навыков и т. д. – без которых «установить» информационное взаимодействие чьим-либо единичным решением невозможно – также остается вне сферы внимания разработчиков рекомендаций.

В рекомендациях Минэкономразвития России, равно как и в другой нормативной и рекомендательной базе, не заложены механизмы поиска, «выращивания», обучения, снабжения необходимыми навыками потенциальных и актуальных лидерских групп.

Даже опираясь на асимметричную модель, для которой требуется не только номинальный «центр» кластера, а реальные лидерские способности, рекомендации министерства не дают практических ориентиров в формировании таких лидеров.

В Приложении к рекомендациям Минэкономразвития России (п. 2 «Признаки и типы территориальных кластеров») излагается только одна типология – отраслевая в сочетании с делением на дискретные и процессные кластеры. Между тем одномерные классификации уже признаются не схватывающими все разнообразие возможных объединительных структур, связанное с историческими и культурными особенностями коллективных взаимодействий. На смену упрощенным классификациям приходят многомерные [6, с. 32–42].

При опоре на отраслевое деление само оно принимается как однозначно заданное, не допускающее межотраслевых симбиозов. Однако именно в российских условиях оно встречается достаточно часто – например, за счет конверсии предприятий ВПК (часто сгруппированных в кластеры или ТПК), которые выходят на рынок высокотехнологичной продукции, обработки минералов и драгоценных камней, индивидуальных заказов на эксклюзивные модели гражданских судов и т. п.

Следовательно, отраслевой функционализм в управленческом мышлении, определяющем сегодняшнюю кластерную политику, до сих пор остается доминирующим.

В Европе кластерная политика – в том числе в версии Европейской кластерной обсерватории и т. д. – строится на выявлении потенциальных кластеров и организационном оснащении тех, которые сложились исторически (развитие «снизу»). Управленческое действие предстает усилием, которым прошлое соединяется с будущим на основе тщательного мониторинга текущей ситуации. Происходит непрерывный поиск баланса эволюционных и конструктивных сил, который не воз-

Министерство промышленности, инноваций и науки Пермского края добивается выделения 1 млрд руб. на проведение в регионе научных исследований и развитие инноваций

Министерство предлагает две статьи расходов на текущий и следующий годы. Первая включает в себя 750 млн руб. для формирования венчурного фонда ЗПИФ «Кама Фонд Первый». Вторая – это гранты и субсидии в размере 200 млн руб. на проведение научных исследований.

Заместитель министра промышленности, инноваций и науки Пермского края Андрей Мущинкин отметил, что «Кама Фонд Первый» аккумулирует региональные средства, средства, привлеченные от «Роснано» и частных инвесторов. Срок существования фонда – 10 лет, деньги будут работать на экономику длительное время.

Гранты Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Российского гуманитарного научного фонда он назвал «инвестициями государства в новые знания, фундаментального уровня». Эти средства предназначены для проведения конкурсов на осуществление научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

лагал бы чрезмерные надежды как на рыночные механизмы, так и на возможности государства [8].

В России существует риск централизации кластерных инициатив (развитие «сверху»), что может в итоге привести к созданию нежизнеспособных единиц. Кластеры, создаваемые с существенной государственной помощью, становятся *способом контроля* над расходованием бюджетных средств, который достигается благодаря концентрации производств и экономических агентов. Механизмы обнаружения потенциальных кластеров фактически отсутствуют. Значительный акцент сделан именно на планировании (в том числе в рекомендациях Минэкономразвития России), т. е. на конструировании кластеров сверху.

Один из современных способов мягкой консолидации с перспективой построения кластера – субконтрактация*. Она приобретает все большее значение для федеральной и региональной экономической политики в сегодняшней России.

Центры субконтрактинга, создаваемые в регионах, ошибочно превращать в центральные аппараты кластеров: скорее, они становятся строительными лесами для появления устойчивых связей. Чем сдерживается полноценная субконтрактация на межрегиональном уровне?

Принципиально это препятствие сводится к социокультурным факторам: отсутствие общей отраслевой культуры, среды доверия, разделяемых подходов к работе, из которых вытекают требования к качеству.

В сердцевине представлений, на которых основаны рекомендации министерства, – рассмотрение кластера как статичного, уже состоявшегося образования, профиль деятельности которого, состав, потребности и принципы организации остаются, во-первых, неизменными на всех этапах становления и, во-вторых, одинаковыми для кластеров всех видов. Итак, сегодняшний ориентир государственной поддержки – в статусе рекомендаций – выражает управленческий подход, основанный на «статичном» взгляде. Однако экономическая история и современная практика свидетельствуют об эволюционной и социокультурной природе предпринимательских сообществ.

В связи с этим *отчетливо вырисовывается необходимость динамизации и гуманизации управленческого знания о кластерах.*

Государственная регуляция действительно строится на общих форматах и способах воздействия на экономическое поведение. Но они определяют именно статическую институциональную часть кластерной политики. Но процедуры и социальные процессы в кластере – динамическая составляющая, которая может выстраиваться по-разному, не разрушая целостность нормативно-правового пространства.

Кроме того, одним из направлений критики кластерной политики в России в современном виде является упрек в том, что поддержка государства сводится к такому же протекционизму и прямому бюджетному финансированию, как и в привычной модели «помощи» отдельным предприятиям.

Ответом на эту вполне аргументированную критику могло бы стать поощрение внутреннего разнообразия на уровне процессов и деловых культур. Чем более гибкой будет форма институциональной поддержки, тем большую степень экономической свободы приобретают участники кластера в отдельности и сам он в целом.

Поддержка кооперативных территориально-производственных комплексов, как утверждают оппоненты этого подхода в государственной политике, означает предпочтение одной формы социально-экономической организации в ущерб всем остальным. При отраженной в рекомендациях Минэкономразвития России организационной политике (п. 3.1) – скорее централизованной и административной, чем сетевой – поддержка таких образований действительно кажется произвольным выбором: стратегия теперь составляется не для отрасли или территории, а для кластера, хотя арсенал государственной поддержки остается прежним.

Очевидна организационная унификация, не принимающая во внимание локальные и профессиональные культуры.

Государственные органы управления могут проявить свою роль проводников кластерной политики намного более продуктивно в выявлении, актуализации, фасилитации кластерного развития, чем в составлении традиционных «планов мероприятий».

Именно это О. Солвелл [8] называет реконструкцией кластера в отличие от чистого конструирования, не наполненного живыми общественными коммуникациями.

Поведенный анализ свидетельствует, что при проектировании форм государственной поддержки кластеров, как правило, не учитываются локальные культурные коды, через призму которых воспринимается всякое экономическое и институциональное изменение. Оказываются закрытыми (не предъявленными участникам экономической жизни) и те предпосылки и презумпции, из которых исходят разработчики нормативной базы.

Следует вспомнить классический тезис Бурдье и структуралистов: конструирование социальной реальности происходит не в вакууме, а подвергается структурному давлению, а сами «структурирующие структуры» – т. е. структуры коллективного взаимодействия, понимания, мышления и, следовательно, влияния на социальную организацию – уже являются социально структурированными [9].

Просачиваясь сквозь сито социально-культурных укладов, особенно разнообразных в России, единые управленческие решения приводят к различным результатам. Так, сельскохозяйственные кластеры требуют принципиально иных подходов и средств поддержки, нежели индустриальные, хотя и те, и другие могут использовать схожие экономические и технологические инструменты. С этим был связан переход от понимания сельского хозяйства как от-

---

* Субконтрактация – эффективный механизм, позволяющий предприятию передать часть производственных функций другим предприятиям на субконтракт и аутсорсинг, а свои ресурсы сконцентрировать на важнейших направлениях собственной деятельности // По материалам сайта http://www.admoblkaluga.ru/sub/econom/smallbussness/subcontract/what_is_subcontr.php

расли к сельскому хозяйству как образу жизни – в российском правительстве этот взгляд распространился примерно в начале 2000-х гг.

Аналогичный переход необходимо совершить в понимании инновационных кластеров. Инноватика и связанные с ней кластеры – это не отрасли, а образ жизни и уклад, прорастающий на фоне многочисленных укладов и культур общества.

Литература

1. Об утверждении концепции кластерной политики правительства области: Постановление Правительства Ярославской области от 30.06.2009 № 650-п.
2. Об утверждении Программы развития и размещения производительных сил Республики Татарстан на основе кластерного подхода до 2020 года и на период до 2030 года: Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 22.10.2008 г. № 763 «а».
3. О создании рабочих групп по выявлению и развитию экономических кластеров на территории Саратовской области: Распоряжение Правительства Саратовской области от 15.08.2006 г. № 224-Пр.
4. Об организации деятельности по формированию инновационных научно-технологических кластеров на территории Тверской области: Постановление администрации Тверской области от 31 марта 2005 г. № 118-па // Тверская жизнь. № 63. 2005. 9 апреля.
5. Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации: утв. Минэкономразвития РФ 26.12.2008 г. № 20615-ак/д19) // URL: http://base.consultant.ru
6. *Марков Л.С., Ягольницер М.А.* Мезоэкономические системы: проблемы типологии // Регион: экономика и социология. 2008. № 1. С. 27, 32–42.
7. *Толмачев Д., Быков Р.* Источник долгосрочного процветания // Эксперт Урал. 2008. № 14(323). URL: www.expert.ru/printissues/ural/2008/14/istochnik_dolgosrochnogo_procvetaniya
8. *Sölvell Ö.* Clusters. Balancing Evolutionary and Constructive Forces. URL: www.clusterobservatory.eu/library/100140.pdf
9. *Бурдье П.* Начала. Choses dites / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994. С. 193.

Виктор БАТАДЕЕВ

Страховая защита капитала в стратегии социально-экономического развития

Макроэкономическая политика государства направлена на достижение новых ступеней развития производительности труда, приближение к наиболее эффективной структуре производства и распределения. Особую значимость с точки зрения защиты национальных интересов стратегическая политика обретает в условиях открытой экономики, в связи с чем каждая страна ищет свои национальные пути к успеху и рассматривает ее как способ их защиты от экономического захвата.

Стратегия социально-экономического развития России до 2020 г., будучи программой перевода российской экономики с энергосырьевого на инновационный путь развития, является ориентиром для составления планов социально-экономического развития муниципальных образований. Основной смысл стратегического планирования в центре и на местах обусловлен объективным требованием повышения конкурентоспособности российской экономики и конституционными целями социального государства. Реализация стратегии позволит повернуть экономику страны на инновационный путь развития, вывести ее на траекторию быстрого и устойчивого роста на передовой технологической основе. Как отметил В. Мау, «требуется выработка новой модели экономического роста, одним из основных элементов которой является снижение бюджетной нагрузки к ВВП» [1].

Согласно стратегии на региональном и муниципальном уровнях необходимо сконцентрировать усилия на реализации экономического и социального потенциала муниципалитета с учетом ключевых общегосударственных проблем: создать равные возможности для людей, сформировать мотивацию к инновационному поведению и радикально повысить эффективность экономики, прежде всего на основе роста производительности труда.

Перевод страны и регионов на инновационный путь развития предполагает кардинальное повышение инновационной и инвестиционной активности, доведение уровня накопления до 30% от ВВП, переход к стандартам развитых стран в сфере бюджетной политики. Это означает, что уровень финансирования образования должен достичь 7% от ВВП, здравоохранения – 6%, науки – 3%. В России же доля науки в ВВП составляет около 1,3% – слишком мало для промышленной страны. Для сравнения: в 2004 г. США вложили в науку в 140 раз больше, чем Россия [2]. Очевидно, что государство, бизнес-сообщества и научная среда должны приложить адекватные усилия уже в ближайшие годы. Прежде всего необходимо добиться эффективной работы институтов развития, всемерно поощрять инвестиционную и инновационную активность как регионов, муниципальных образований, предприятий, организаций, так и граждан.

Довольно существенно разнятся прогнозные макроэкономические по-

Виктор БАТАДЕЕВ – кандидат экономических наук, профессор Московской академии государственного и муниципального управления